

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 6 (306). 10 февраля 1929 г.

НА МЕСТЕ УБИЙСТВА А. С. ГРИБОЕДОВА

Из записной книжки корреспондента

Земля, на которой погиб А. С. Грибоедов, до сих пор носит название „Сад посла“ — Баге-Ильчи. Нелегко найти этот „сад“ в современном Тегеране. Территория, на которой когда-то находилась русская миссия, застроена густой сетью кривых и тесных улочек.

Армянин-извозчик посоветовал мне съездить на христианское кладбище, недалеко находящееся, при котором живет очень старый священник, что-то знающий о Грибоедове. Отправились к кладбищу.

— В этом месте, — указал мне сторож на могилу какого-то русского врача, — была братская могила казаков и русских чиновников, убитых вместе с Грибоедовым. Могилу эту никто не поддерживал, и она сравнялась с землей.

Ко мне вышел дряхлый армянский священник и повел к запертой на замок древней церковке, величиной с часовню.

— В Тегеране, — сказал он мне, — живет старый князь Сулейман Меликов, племянник Соломона Меликова, того самого, который пытался спасти Грибоедова из рук фанатичной толпы. Когда был объявлен „джагат“ (священная война) против русских, князь Соломон бросился в миссию, и был убит вместе с Грибоедовым.

В церковных книгах сохранилась запись, свидетельствующая о том, что в 1829 году в этой церковке в течение двух месяцев находились три гроба с покойниками: русским послом Грибоедовым, князем С. Меликовым и некоей Воски-Хатун, богатой армянкой, которая умерла вскоре после убийства Грибоедова и завещала похоронить себя на священной земле Эчмядзинского монастыря.

В архиве церкви имеется актовая запись, в которой подробно излагается церемония погрузки гробов на телеги для отправки к русской границе и хранится расписка родственников Грибоедова, получивших в Джульфе гроб с телом посла и увезших его в Тифлис.

Спустя несколько дней после визита на кладбище, мне удалось разыскать князя Сулеймана Меликова, жившего за городом, в небольшом имении д-ра Кормика.

Рассказ современника

Большая, обставленная по-европейски гостиная. На стенах — портреты давно умерших шахов и персидских сановников, несколько русских „сытинских“ лубков в золоченых рамах, старинные гравюры и неизбежные на Востоке ковры и коврики.

В углу, в глубоком кожаном кресле сидит седой старец.

Красивое лицо, прекрасные, нестареющие черные глаза.

Передо мной очевидец событий, стоивших жизни Грибоедову — князь Сулейман Меликов Сумхатский. Ему уже за девяносто лет. Он всю жизнь провел в Тегеране и хорошо помнит день 31 января 1829 года. С напряженным вниманием слушаю я шопот старого князя и каждое слово стенографически заносю в записную книжку.

Вот что рассказал он мне:

— Посланник Грибоедов был человек очень решительный. Он никому и ни в чем не уступал, ни с кем не сходил. Несмотря на краткое пребывание в Тегеране, он успел нажить себе массу врагов среди придворных и персидской знати. И потому никто не вступился за русских, когда толпа фанатиков избивала их. Мало того, некоторые были даже рады избавиться от заносчивого „гаура-рус“ и подстрекали погромщиков. Сам пах глубоко ненавидел Грибоедова, но когда события вылились в кровавую бойню, он сильно испугался и, боясь мести со стороны русского императора, хотел спасти посланника, но не успел. Впрочем, расскажу по порядку.

В эндеруне (гареме) известного вельможи Асефет-Доуле, на дочери которого был женат один из сыновей царствовавшего тогда Фетт-Али-шаха, долгое время томилась красивая грузинка, русская подданная, еще девочкой похищенная на Кавказе. У него же, на положении раба, находился пленник армянин, по имени Якуб, также

Асефет-Доуле нанял целую свору агитаторов, которые собирали народ и подстрекали чернь против русских. Он нашел деятельную поддержку в лице влиятельного тогда первосвященника, непримиримейшего врага всего не-мусульманского, Мирзы Месси, который спешно созвал высший духовный совет и настоял на объявлении „джагата“ (священной войны) против русских. Сам Мирза Месси вышел на центральную в Тегеране площадь Топ-Хане и благословил толпу на убийство Грибоедова.

Шах пытается спасти А. С. Грибоедова

Шах, узнавший о „джагате“, решил противодействовать намерениям Асефет-Доуле и духовенства. Он приказал своему главному советнику и евнуху, по имени Мостамед-Доуле, отправиться к моему покойному отцу, Давиду Меликову-Сумхатскому, единственному человеку, который дружил с Грибоедовым, с просьбой предупредить его

об опасности и попытаться спасти всех русских от погрома.

Евнух приехал в наш дом, когда отец уже принял возможные в тогдешней обстановке меры к спасению. Он позвал своего молодого брата князя Соломона Меликова, велел ему немедленно перевезти всех русских в наше небольшое имение. Больше мы моего дяди не видели. Он был убит вместе с Грибоедовым.

Разгром миссии

По рассказам сопровождавших моего дядю слуг, кн. Соломон подехал к стенам миссии со стороны открытого поля и приказал прорубить в глинобитном заборе брешь, через которую можно было бы спастись людям.

Грибоедов, увидевший взволнованную

фигуру князя, расхохотался. Он и слушать не хотел ни о каком „джагате“, называл все базарными слетнями.

Присутствовавшие при этой сцене слуги передавали о следующем диалоге между моим дядей и Грибоедовым:

— Вы шутите, господин посланник, — сказал дядя, — а между тем опасность очень велика. Вы погибнете здесь, и едва ли кто уцелеет из солдат вашей охраны, потому что толпа изуверов мусульман получила откуда-то много оружия. Я умоляю вас оставить миссию и ехать со мной в Арк.

Грибоедов улыбнулся и ответил:

— Во всем виновато, ваше, князь, армянское происхождение. Если бы вы были русский, вы проявили бы больше мужества и воинского достоинства.

Оскорбленный дядя закричал:

— Я не трус! И в доказательство остаюсь здесь с вами.

Не прошло и получаса, — рассказывали слуги, — как издали раздался выстрел и шум приближающихся людей.

Грибоедов снял со стены два ружья, вынул большую пороховницу и сказал князю: „Вы только заряжайте“, — и стал у открытого окна.

Вся охрана, вооруженная саблями и ружьями, бросилась к дому посла, чтобы охранять его, но из этого ничего не получилось. Толпа плотной стеной отгородила второй двор, где находился Грибоедов,

Старинная гравюра, изображающая заключение мира между Россией и Персией в Туркманчае в 1828 г.

русский подданный. Асефет-Доуле, рассердившись как-то на Якуба, сильно избил его палкой. Пленник побежал жаловаться в русскую миссию. Грибоедов принял в нем горячее участие. Он написал шаху резкую ноту, в которой, ссылаясь на недавно заключенный туркманчайский договор, требовал предоставления полной свободы Якубу и наказания Асефет-Доуле. Грибоедов настаивал также на уплате Якубу крупной суммы денег за нанесенное оскорбление.

Заступничество посланника сделалось известным обитателям гарема. Тайком, через евнуха, красивая грузинка послала Грибоедову письмо. Она умоляла посланника освободить ее из неволи и отправить на родину.

Грибоедов немедленно обратился к шаху с новой угрожающей нотой. Он не просил уже, а приказывал доставить грузинку в русскую миссию. Шах вызвал Асефет-Доуле и познакомил его с содержанием только что полученной ноты. Не прошло и часа, как Асефет-Доуле сызвал правоверных и жаловался им на неслыханную дерзость иноземного гостя шаха, Грибоедова, который вчера отобрал у него слугу, а сегодня, вот, требует привода из гарема его законной и самой любимой жены. Грибоедов и все русские врываюются в самые интимные стороны мусульманской жизни и посягают на святость эндеруна, доступ в который закрыт даже чужому мусульманину.

1 Моя встреча с кн. Меликовым имела место в Тегеране в 1910 году. М. К.

Место, где был убит А. С. Грибоедов, — «Баге-Ильчи» («Сад посла»).

и лишь нескольким казакам (всех их было 32 чел.) удалось прорваться. Но никто из них не уцелел. Толпа убивала казаков и кидала их трупы высоко в воздух. К дому Грибоедова, однако, подступить было не легко и не безопасно. Из окна так и сыпались пули. Толпа на несколько мгновений прекратила наступление, зашла за дом с другой стороны, полезла на крышу и начала рубить ее топорами.

Убийство Грибоедова

Грибоедов стрелял сразу из обоих ружей: в окно и вверх, так как потолок уже был проломлен и в комнату летели камни и пули. Грибоедов был ранен в спину и в затылок, но продолжал стрелять. Одна из пауз, во время которой дядя заряжал ружья, оказалась роковой. Потолок рухнул. Грибоедов упал на пол. В комнату ввалились погромщики и добились его куском сломанной балки. Залитый кровью труп Грибоедова выволокли во двор и начали таскать по земле.

Гибель кн. С. Меликова

Князя Соломона, раненного в грудь и в голову, толпа вытащила на крыльцо. «Давай деньги!» Князь вынул кошелек и бросил в толпу. Чья-то рука сорвала с его груди цепочку с часами. «Отдай саблю!» — «Ну, этого вы не получите!» — крикнул он и схватился за рукоятку. В это время известный в городе столляр — я долго помнил его имя, а сейчас забыл — ударил дядю топором по голове.

Погромщики привязали к его ногам веревку и, как Грибоедова, поволокли по земле. Впоследствии труп моего дяди и труп Грибоедова были брошены в яму, где хранилась гашеная известь. Толпа не пощадила слуг миссии — армян и персов, и убила их всех. Стражу же кн. Соломона оттеснили в сторону, но не тронули.

Бессилие шаха остановить погром

В течение дня шах несколько раз отдавал приказ губернатору Зилли-султану выступить с войсками против толпы, но

тот все медлил. Лишь ночью евнух Моста-мед-Доуле собрал пару сотен солдат и, вооружив дворцовую прислугу, явился на место побоища и рассеял остатки толпы, расхищавшей имущество миссии.

Мой собеседник потребовал отдыха и спустя полчаса продолжал свой интересный рассказ:

— Все население Тегерана с трепетом ждало жестоких репрессий русского правительства. Все были уверены, что придут войска и разгромят всю Персию. Помню, как отец мой много раз рассказывал о напрасной тревоге в Тегеране, которую поселили погонщики пришедшего из Гиляна каравана верблюдов. Они будто бы видели, как в Энзели (порт на Каспийском море) уже высаживается русский десант. Но страхи оказались преувеличенными. Персия не погибла, и все сошло более чем

Духовенство организует покушение на шаха

Но с этим священником-погромщиком справиться было нелегко. Он собрал толпу в 4.000 чел. и заперся в шахской мечети. Фетт-Али-шах был в это время серьезно болен. Он велел перенести себя из спальни в Тахте-Мармор (мраморный зал) и распорядился поставить пушку на видневшуюся из окна стену. Когда это было исполнено, шах велел палить по мечети. В зал вбежал духовник шаха, шейх Имам-Джумма, и попросил отсрочки на один час. Одновременно явился начальник дворцовой стражи и заявил, что персы отказываются стрелять, а среди солдат — армян артиллеристов очень мало и все они находятся в отлучке.

Имам-Джумма проник в мечеть, вывел из нее потайным ходом Мирзу-Месси и отправил его в г. Кербалла. Как выяснилось впоследствии, Мирза-Месси подбивал своих приверженцев на убийство шаха.

Бриллиант за жизнь великого писателя

— Я чуть не забыл сообщить вам, — закончил свой рассказ кн. Сулейман Меликов, что принц Хосрев — Мирза приехал в Петербург не с пустыми руками. Он привез императору Николаю шахский подарок — исполинских размеров бриллиант, который, в несметной коллекции драгоценностей династии Каджаров (фамилия шаха) считался третьим по величине бриллиантом. Первый — это знаменитый на весь мир бриллиант под названием «Дарья Иннур» («Океан света»), второй находится в короне шаха, а третьему выпала доля оказаться спасителем Персии.

— И, — заметил я своему собеседнику — выполнить роль жалкой ничтожной компенсации за загубленную жизнь гениальнейшего русского писателя.

М. Криский

Князь Сулейман Меликов-Сумхатский

благополучно для Фетт-Али-шаха. Дело ограничилось только извинением, которое повез в Петербург принц Хосрев — Мирза и предложением Асефет-Доуле и Мирзе-Мессе оставить Тегеран.